

С. Ф. Платонов

**Древнерусские сказания и
повести о смутном времени
XVII века, как исторический
источник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П37

П37 **Платонов С.Ф.** Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник / С. Ф. Платонов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 380 с.

ISBN 978-5-458-55298-1

Автор рассматривает произведения, составленные до окончания Смуты (Иное сказание, Новая повесть о преславном Российском государстве, Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства и др.), важнейшие произведения о Смуте времени царя Михаила Федоровича (Сказание келаря Авраамия Палицина, Рукопись Филарета, патриарха Московского, Разрядная книга, известная под названием Столярова хронографа и др.), второстепенные и более поздние произведения о Смуте (памятники биографического характера: Сказание о поставлении на патришество Филарета Никитича, Сказание о рождении князя М.В.Скопина и др.; памятники компилятивные: Повести о разорении Московского государства, Книга об избрании на престол царя Михаила Федоровича и др.). Автор анализирует произведения как источники исторических сведений, рассматривает вопрос степень исторической достоверности сказаний.

ISBN 978-5-458-55298-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемый трудъ первоначально былъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1887 годъ (октябрь, ноябрь и декабрь) и за 1888 годъ (февраль, мартъ и апрѣль). Въ настоящемъ изданіи прибавлены: заключеніе, указатель именъ личныхъ и географическихъ и перечень рукописей, разобранныхъ и упомянутыхъ въ книгѣ.

Въ своемъ трудѣ авторъ желалъ дать систематическій обзоръ тѣхъ литературныхъ произведеній великорусской письменности XVIII вѣка, которыя были посвящены изображенію и обсужденію событій смутнаго времени Московскаго государства. Число такихъ произведеній довольно велико. Они стали появляться еще до окончанія смуты по поводу отдѣльных ея фактовъ. Время царя Михаила Феодоровича было особенно богато сказаніями о смутѣ: многіе очевидцы событій смутнаго времени спѣшили описать пережитую эпоху и оставили по себѣ обширныя, иногда даже художественныя труды. И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ записано было нѣсколько любопытныхъ воспоминаній и преданій о смутномъ времени. Но во второй половинѣ XVII вѣка непосредственныя воспоминанія о смутѣ стали уже замрять, и люди, писавшіе о временахъ самозванщины, или перерабатывали болѣе раннія повѣствованія или создавали легендарно-поэтическіе рассказы.

Литературный характеръ произведеній о смутѣ очень разнообразенъ. Большинство ихъ носитъ названіе „повѣстей“ (иногда—„сказаній“) и заключаетъ въ себѣ литературно-обработанное повѣствованіе о событіяхъ и дѣятеляхъ смутнаго времени. Рядомъ съ „повѣстями“ стоятъ „житія“ лицъ смутной эпохи, въ которыхъ агіографическія черты тѣсно сплетены съ историческими. Нѣкоторые памятники называются „лѣтописцами“ и дѣйствительно представляютъ собою погодное изображеніе событій. Нерѣдко рассказъ о смутѣ заканчивается тотъ или другой видъ „хронографа“, даже поздней „степенной книги“. Не одно повѣствованіе о фактахъ составляетъ задачу всѣхъ этихъ литературныхъ памятниковъ: среди нихъ часто встрѣчаются произведенія публицистическія и морально-дидактическія, въ которыхъ фактическая сторона имѣетъ лишь служебное значеніе.

При большомъ разнообразіи внѣшнихъ формъ и приѣмовъ изложенія всѣ древнерусскія произведенія, касающіяся смуты, представляютъ собою одну цѣльную категорію источниковъ для изученія смутной эпохи наряду съ официальными документами и записками иностранцевъ. Въ качествѣ историческаго матеріала сказанія о смутѣ еще въ прошломъ вѣкѣ привлекали вниманіе изслѣдователей. Однако начитанность историковъ XVIII столѣтія въ этомъ матеріалѣ не шла далѣе Сказанія Авр. Палицына, Новаго Лѣтописца и немногихъ хронографовъ. Только въ нашемъ вѣкѣ Карамзинъ достигъ рѣдкаго, для его времени изумительнаго знакомства съ рукописными текстами самыхъ разнообразныхъ сказаній о смутѣ. Многочисленныя выписки изъ сказаній въ послѣднихъ томахъ „Исторіи Государства Россійскаго“ и до сихъ поръ нерѣдко замѣняютъ ученымъ первый источникъ и сохраняютъ за трудомъ Карамзина свѣжесть какъ бы современнаго намъ изслѣдованія. Послѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ пользованіе этого рода источниками стало безусловно обязательнымъ для каждаго послѣдующаго историка смутнаго времени.

Впервые вводя въ научный оборотъ массу новаго матеріала изъ сказаній, Карамзинъ не могъ, разумѣется, точно оцѣнить каждый памятникъ со стороны его состава и достоинства его показаній. Съ теченіемъ времени многіе изъ рукописныхъ источниковъ Карамзина были изданы; шире сталъ и самый кругъ извѣстныхъ сказаній о смутѣ; въ трудахъ С. М. Соловьева, А. Н. Попова, И. Е. Забѣлина и другихъ изслѣдователей сдѣлано было нѣсколько попытокъ оцѣнить критически тѣ или другіе памятники. Но историко-критическое изученіе сказаній о смутѣ во всей ихъ совокупности составляло до послѣдняго времени невыполненную задачу въ русской исторіографіи. Принимая на себя эту задачу, авторъ настоящаго труда исходилъ изъ того убѣжденія, что дальнѣйшая разработка исторіи смутной эпохи можетъ идти съ надлежащимъ успѣхомъ только путемъ критической оцѣнки ея источниковъ.

Первая и главнѣйшая трудность, какую надлежало преодолѣть автору, состояла въ томъ, чтобы собрать и изучитъ всѣ касающіяся смуты рукописные тексты сказаній. Не имѣя возможности ознакомиться съ составомъ всѣхъ русскихъ древлехранилищъ, авторъ не смѣетъ надѣяться, что исчерпалъ въ полной мѣрѣ подлежавшій его разсмотрѣнію матеріалъ. И та степень полноты матеріала, какой удалось ему достигнуть, была бы недоступна для его личныхъ усилій безъ просвѣщеннаго содѣйствія его труда Археографической Комиссіи въ С.-Петербургѣ. Второе затрудненіе представилось автору въ самомъ изложеніи результатовъ его труда. Лучшею системою, какой онъ могъ держаться въ обзорѣ памятниковъ, безъ сомнѣнія, была бы система хроно-

логическая, при которой разборъ болѣе раннихъ произведеній предшествовалъ бы разбору болѣе позднихъ. Но отсутствіе точныхъ свѣдѣній о времени составленія многихъ сказаній не дозволяло расположить ихъ въ строгомъ порядкѣ по времени ихъ происхожденія. Кроме того, авторъ иногда находилъ болѣе удобнымъ давать отчетъ въ одномъ мѣстѣ о разновременныхъ произведеніяхъ въ силу ихъ внутренней близости и зависимости одного отъ другаго. Тѣмъ не менѣе онъ стремился, выдѣливъ памятники наиболѣе любопытные и важные изъ массы прочихъ, прослѣдить на нихъ постепенное развитіе въ XVII вѣкѣ письменности о смутѣ и отмѣтить общіе отличительные признаки произведеній различныхъ эпохъ. Останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на раннихъ и потому наиболѣе цѣнныхъ сказаніяхъ, писанныхъ современниками смуты, авторъ считалъ возможнымъ дать только краткія характеристики произведеній позднѣйшихъ и компилятивныхъ; что же касается до мѣстныхъ сказаній о смутѣ, то скудость текстовъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, заставила его и вовсе отказаться отъ детальнаго изслѣдованія этого рода памятниковъ.

Какъ въ отношеніи общаго порядка изложенія автору не удалось выдержать единообразнаго приѣма, такъ невозможно было его выдержать и въ изслѣдованіи отдѣльныхъ произведеній. Не имѣя въ виду повѣрки всѣхъ показаній памятника, авторъ ограничивался желаніемъ опредѣлить время его составленія и указать личность составителя; выяснитъ цѣли, какими руководился составитель, и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ; найти источники его свѣдѣній, и наконецъ, характеризовать приблизительную степень общей достовѣрности или правдоподобности его разсказа. Но изслѣдованіе нѣкоторыхъ произведеній не давало удовлетворительнаго отвѣта на весь кругъ этихъ вопросовъ. Въ другихъ случаяхъ виѣшняя исторія и общій характеръ произведенія оказывались настолько извѣстными, что избавляли автора отъ необходимости повторять въ своемъ трудѣ наблюденія и выводы предшествующихъ изслѣдователей. Напротивъ, тексты мало извѣстные и вовсе неизвѣстные налагали на автора обязанность ознакомить читателя съ ихъ содержаніемъ помимо общихъ историко-критическихъ замѣчаній о памятникѣ. Такъ, особенности и степень извѣстности каждаго отдѣльнаго произведенія вліяли на характеръ отзыва о немъ.

Приведенныя замѣчанія свидѣтельствуютъ, что авторъ самъ сознаетъ неполноту и недостатки своего труда. Съ благодарностью приметъ онъ всѣ дополненія и замѣчанія, какія будутъ предъявлены ему ученою критикою. Съ глубокой благодарностью вспоминаетъ онъ и то сочувствіе, съ какимъ относились къ его труду многія лица. Занятія рукописными текстами стали ему возможны благодаря благосклонному содѣйствію А. Ѡ. Бычкова и

И. А. Бычкова (въ Императорской Публичной Библіотекѣ), А. И. Тимоѣева (въ Археографической Комиссіи), князя П. П. Вяземскаго и Д. Ѳ. Кобеко (въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности), И. Е. Троицкаго и А. С. Родосскаго (въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи), В. О. Блочевскаго (въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи), о. арх. Леонида (въ библіотекѣ Троице-Сергіевой Лавры), Д. П. Лебедева (въ Московскомъ Публичномъ и Руминцевскомъ Музеяхъ) и Н. А. Шляпкина (въ его собственной библіотекѣ). Съ начала и до конца своихъ работъ авторъ пользовался совѣтами и указаніями своихъ бывшихъ преподавателей профессоровъ К. Н. Бѣстужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго. Со стороны Л. Н. Майкова и В. Г. Дружинина видѣлъ онъ постоянную помощь и самое теплое отношеніе къ его труду. Наконецъ, составленіемъ указателя къ книгѣ авторъ обязанъ Н. Н. Платоновой.

I.

Въ ряду русскихъ повѣствованій о смутномъ времени такъ называемому Иному Сказанію принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Его фактическія данныя были очень популярны въ XVII вѣкѣ, и составители позднѣйшихъ редакцій хронографовъ охотно вносили эти данныя въ свои труды. Благодаря этому и въ научной литературѣ нашего вѣка показаніями Инаго Сказанія пользовались весьма часто, хотя въ своей первоначальной формѣ оно стало извѣстно только съ 1853 г., когда было издано И. Д. Бѣляевымъ съ его предисловіемъ во *Временникѣ* Московскаго Общества Исторіи и Древностей, кв. XVI. Карамзинъ былъ знакомъ съ Инымъ Сказаніемъ лишь по сокращенной его передѣлкѣ, о которой будетъ сказано ниже, и по извлеченіямъ въ хронографахъ¹⁾. Со времени же изданія Сказанія имъ пользовались всѣ изслѣдователи смуты, а С. М. Соловьевъ далъ его краткую характеристику, отмѣтивъ отсутствіе въ немъ объективности²⁾.

Иное Сказаніе въ своемъ полномъ составѣ встрѣчается довольно рѣдко³⁾. Намъ извѣстны только два его списка. Одинъ, съ котораго Сказаніе было издано И. Д. Бѣляевымъ, принадлежалъ П. М. Строеву и хранится въ Погодинскихъ рукописяхъ Имп. Публ. Библиотеки⁴⁾. Другой принадлежитъ Московскимъ Публичному и Румянцевскому

---

¹⁾ Это видно изъ его ссылокъ въ *Исторіи Государства Россійскаго*: примѣчанія къ т. X: 221, 385, 397; къ т. XI: 194, 199, 252, 263, 272, 322, 331, 348, 402, 406, 530 и др.

²⁾ *Ист. Россіи*, IX, гл. V, по изд. 1875 г. стр. 422—423.

³⁾ Таково мнѣніе и составителя *Отчета Моск. Публ. и Рум. Музеевъ за 1876—1878 гг.* М. 1879, стр. 95.

⁴⁾ № 1503. Писанъ двумя почерками XVII в., скорописью, въ 4-ю долю, на 391 л., съ оглавленіемъ и приписками руки П. М. Строева. Иное Сказаніе находится на лл. 242—391.

Музеямъ ¹⁾. Оба списка писаны въ XVII вѣкѣ и не представляютъ сколько-нибудь важныхъ вариантовъ. И въ томъ, и въ другомъ Сказаніе слѣдуетъ за Сказаніемъ Авр. Палицына, какъ бы въ видѣ дополненія къ нему. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое заглавіе дополнительнаго Сказанія: „Той же первой исторіи послѣдуетъ ²⁾ вторымъ скалагізмъ, дже въ первой скращено, здѣ же приполнено, и гдѣ въ первой полно, здѣ же скратно писано. Инаго творенія“. Другаго, самостоятельнаго заглавія Сказаніе не имѣетъ. Строевъ въ своемъ спискѣ озаглавилъ его такъ: „Дополненіе къ Исторіи Палицына неизвѣстнаго автора“. Присвоенное же Сказанію названіе „Инаго“ дано ему издателемъ И. Д. Бѣляевымъ. Если говорить о времени составленія Инаго Сказанія въ полномъ его составѣ, то слѣдуетъ относить его къ серединѣ или ко второй половинѣ XVII вѣка ³⁾. Но даже бѣглое знакомство съ памятникомъ убѣждаетъ въ томъ, что Иное Сказаніе составилось изъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ повѣствованій разнаго времени и различныхъ авторовъ. Миѣніе И. Д. Бѣльева ⁴⁾, что въ первоначальномъ видѣ Сказаніе „было доведено сочинителемъ, кажется, только до изгнанія поляковъ изъ Москвы“, остальное же принадлежитъ другому автору,—требуетъ существенныхъ поправокъ. Въ Иномъ Сказаніи болѣе двухъ самостоятельныхъ повѣствованій: оно весьма ясно разлагается на слѣдующія составныя части:

- 1) Повѣсть о времени Бориса Годунова и перваго самозванца, сохранившая всѣ признаки своей литературной самостоятельности и по внесеніи въ текстъ Инаго Сказанія (Временникъ, 1—38).
- 2) Собраніе правительственныхъ грамотъ о сверженіи самозванца и воцареніи Шуйскаго (Врем., 38—55).

---

¹⁾ № 1836. Писанъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, XVII в., въ 4-ю долю, на 333 лл. Иное Сказаніе находится на лл. 199—325. Къ нему приписанъ, на лл. 326—333, краткій родословецъ русскихъ государей. Рукопись принадлежала въ XVIII в. „Усолцу торговому человѣку Михаилу Федорову сыну Зягину“; поздѣе — крестьянину Федору Васильеву Куляшеву; въ Музей поступила въ 1878 г. отъ И. А. Бердникова.

²⁾ Предпочитаемъ чтеніе втораго изъ указанныхъ списковъ; въ спискѣ Строева: „последнее“.

³⁾ Последнее извѣстіе Сказанія говоритъ о вѣнчаніи на царство цари Алексѣя Михайловича „въ лѣто 7154 (1645) сентября въ 28-й день“; сивскіи же Сказанія несомнѣнно относятся къ XVII в.

⁴⁾ *Временникъ Моск. Общества Ист. и Древн.*, кн. XVI, Матеріалы, предисловіе, стр. IV.

3) Повѣствованіе о движеніяхъ въ первое время царствованія Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотникова (Врем., 55—64).

4) Повѣсть о видѣніи, бывшемъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1606 г., вставленная въ предыдущее повѣствованіе (выпущена во Временникѣ).

5) Лѣтописныя замѣтки, тождественныя со статьями Хронографъ второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василюемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, чѣмъ и кончается Хронографъ 1617 года (Врем., 64—73).

6) Лѣтописныя замѣтки о времени царя Михаила Ѳеодоровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича (Врем., 73—80)¹⁾.

Для полной оцѣнки Сказанія слѣдуетъ ознакомиться ближе съ каждою изъ его отдѣльныхъ частей. Наибольшую важность имѣетъ первая изъ нихъ; къ ея обзорѣнью теперь и обратимся.

I. Главное содержаніе первой части Инаго Сказанія (мы будемъ въ нашемъ изложеніи называть ее Повѣстью 1606 года) составляетъ описаніе слѣдующихъ событій: 1) убіенія царевича Дмитрія, 2) воцаренія Бориса Годунова, 3) появленія самозванца, 4) борьбы самозванца съ Борисомъ и воцаренія самозванца, 5) дѣйствій самозванца противъ русской народности и православія, 6) сверженія самозванца и воцаренія Шуйскаго, и 7) перенесенія мощей царевича Дмитрія въ Москву. Вся Повѣсть проникнута чувствомъ ненависти къ Борису и самозванцу одинаково и чувствомъ преданности Шуйскому. Всѣмъ повѣствованіемъ руководитъ желаніе показать, что и Борисъ, и самозванецъ получили скорое возмездіе за свои злодѣянія.

Какъ сказано, Повѣсть сохранила на себѣ полный отпечатокъ самостоятельнаго литературнаго произведенія. Отъ остальныхъ частей Инаго Сказанія она отдѣлена послѣсловіемъ, и смыслъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ даже противорѣчитъ дальнѣйшему разсказу Инаго Сказанія. Въ концѣ Повѣсти выражается радость по поводу избавленія Россіи отъ самозванца и по поводу вступленія на престолъ „таковаго благочестиваго государя“ В. И. Шуйскаго, который не ведетъ своихъ подданныхъ въ погибель, какъ велъ ихъ Разстрига, но совращаетъ ихъ

---

¹⁾ Нѣкоторыя изъ составныхъ частей Инаго Сказанія уже указаны А. Н. Поповымъ (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 148—149). Въ спискѣ П. М. Строева есть въ концѣ нѣсколько ничтожныхъ приписокъ, сдѣланныхъ, очевидно, гораздо позднѣе владѣльцами рукописи.

съ пути погибельнаго и даже сподобился видѣть мощи царевича Димитрія въ Москвѣ. О дальнѣйшихъ смутахъ времени Шуйскаго въ Повѣсти нѣтъ и помину; главное чувство писателя — радость о томъ, что смута миновала и притомъ такъ благополучно. „Слава единому премудрому жизнодателю Богу“, восклицаетъ онъ: „яко маломъ наказана съ, но много помилова“¹⁾. Между тѣмъ дальнѣйшее повѣствованіе о смутахъ времени Шуйскаго, въ третьей изъ указанныхъ нами частей Инаго Сказанія, ведется уже совершенно въ другомъ тонѣ: радостному чувству нѣтъ мѣста; его заступаетъ сознаніе, что современники автора осуждены Богомъ „во тмочисленныя бѣды и различныя напасти паки впасти по праведному Его суду Божию“ за то, что сами отпали отъ Него своими согрѣшеніями²⁾. Описаніе многочисленныхъ возстаній противъ царя Василія, сознаніе силы мятежниковъ и слабости Шуйскаго дѣлаетъ преждевременнымъ и страннымъ радостное убѣжденіе Повѣсти въ окончаніи смуты. Очевидно, что лицо, составившее Иное Сказаніе, лишь механически соединяло его составныя части и не позаботилось сгладить ихъ взаимныя несогласія въ цѣльный рассказъ.

Счастливо уцѣлѣвшія частности Повѣсти 1606 года помогаютъ намъ съ достаточною точностью опредѣлить время и обстоятельства ея написанія. Если Повѣсть торжествуетъ вступленіе на престолъ Шуйскаго и перенесеніе мощей Димитрія царевича въ Москву, но не знаетъ еще, что при царѣ Василии смута не только повторится, но и разовьется съ большею силой, — значить, написана эта Повѣсть въ самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Время ея написанія слѣдуетъ полагать послѣ 3-го іюня 1606 г. (день перенесенія мощей царевича въ Москву), но до начала возстанія противъ Шуйскаго на югѣ, которое произошло не позже августа 1606 года³⁾, и, конечно, до прихода Болотникова и Пашкова къ Москвѣ, который послѣдовалъ осенью того же года⁴⁾. Объ этомъ приходѣ Болотникова и

¹⁾ Иное Сказаніе во *Временникѣ*, XVI, стр. 35—37.

²⁾ Иное Сказ., стр. 55—56.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 149, стр. 316.—*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 331 (.... „того же 114 іоду... въ Украйныхъ, въ полскихъ и въ сѣверскихъ городѣхъ, учинилася прелесть и смута“, — значить, ранѣе 1-го сентября 1606 г.).

⁴⁾ *Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 332. 2-го декабря 1606 г. мятежника были уже разбиты и прогнаны отъ Москвы. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 150 и № 151. Въ спискахъ Инаго Сказанія не сохранилось никакихъ хронологическихъ датъ, которыя указывали бы время написанія Повѣсти. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ

Пашкова повѣствуетъ уже третья часть Инаго Сказанія. Какъ можно догадываться по одному признаку, Повѣсть написана была тогда, когда авторъ ея узналъ, что въ государствѣ вторично началось броженіе во имя Димитрія и что тишинѣ, которая должна была бы наступить со сверженіемъ ложнаго царя, угрожаетъ опасность. Въ своемъ послѣсловіи онъ обращается съ наставленіемъ къ какому-то „губителю Божію“ и грозитъ ему: „аще... не премѣнишися отъ злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеша здѣ и въ будущемъ, яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ“ ¹⁾. Дидактическій тонъ, красною нитью проходящій черезъ всю Повѣсть, въ послѣсловіи усиливается: писатель пространно объясняетъ, что гибель самозванца была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его „законопреступленія“, и что такое же возмездіе грозитъ всякому его послѣдователю. Авторъ даже открыто признается въ дидактическихъ цѣляхъ своего произведенія, говоря, что писалъ свою Повѣсть „прочитающимъ на пользу и въ предыдущія времена по насъ будущимъ челоувѣкомъ на память, а прочимъ зломысленникомъ, рачащимъ его (то-есть, самозванца) злонавному преступленію, дабы пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престаи“ ²⁾.

Приведенныя мѣста послѣловія вскрываютъ намъ нѣсколько внутреннія намѣренія автора: Повѣсть его направлена противъ „губителей Божіихъ“, зломысленниковъ, рачащихъ дѣлу самозванца. Написана, стало быть, она тогда, когда броженіе, не прекращавшееся въ народѣ съ самаго дня переворота 17-го мая 1606 г., стало при-

---

сокращенной позднѣйшей редакціи Повѣсти, повѣстной подъ именемъ „Повѣсти, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“, читаемъ выраженіе: „о люте быша бы намъ *нынѣшняго* 114 году (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки: Q. IV, 144, л. 283 об., и O. IV, 17, л. 423. Въ пространной Повѣсти слово „нынѣшняго“ выпущено: Ин. Сказ., стр. 33). Если мы вправѣ думать, что это чтеніе первоначальное, но утраченное списками полной редакціи, то уже несомнѣннымъ будетъ фактъ написанія нашей Повѣсти до 1-го сентября 1606 г. С. М. Соловьевъ при обработкѣ VII тома „Исторія Россіи“ пользовался сокращенною редакціей Повѣсти и ее относилъ къ „первому времени царствованія Шуйскаго“ (т. VII, пр. 80). Въ своемъ мѣствѣ увидимъ что такъ можно говорить только о редакціи распространенной. А. Н. Поповъ именно эту послѣднюю относилъ къ 1606 г. (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II стр. 148).

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 38 (неисправный текстъ изданія исправленъ по рукописямъ).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 37 (также исправлено).

нимать опасный для установившагося порядка характеръ, но не перешло еще въ опредѣленныя формы народнаго бунта противъ Шуйскаго. Въ противномъ случаѣ авторъ не закончилъ бы своего произведенія радостною картиной счастливыхъ дней, наставшихъ для народа съ воцареніемъ В. И. Шуйскаго. Онъ не видитъ еще явнаго нарушенія счастливой тишины, но замѣчаетъ возможность такого нарушенія и спѣшитъ своимъ увѣщаніемъ предупредить его и по мѣрѣ силъ упрочить авторитетъ излюбленнаго имъ царя Шуйскаго. Первые мѣсяцы правленія Шуйскаго какъ разъ могли вызвать его на такой трудъ. Нѣтъ нужды приводить многочисленныя указанія источниковъ на то, что въ первые же дни царя Василя заложены были сѣмена дальнѣйшихъ смуть и что вошли они очень скоро и прежде всего въ видѣ неясныхъ, но настойчивыхъ слуховъ о томъ, что Дмитрій спасся и живъ ¹⁾. Много было людей, вѣрившихъ этимъ слухамъ и не вѣрившихъ Шуйскому. Такіе люди, не желавшіе легко успокоиться и повѣрить тому, что говорило имъ правительство Шуйскаго о „законопреступленіи“ только что низвергнутаго царя, могли казаться „рачащими законопреступленію Разстриги“ и могли тревожить В. И. Шуйскаго и всѣхъ ему преданныхъ лицъ. Противъ такихъ-то „рачителей законопреступленія“ и направлена, смѣемъ думать, разбираемая Повѣсть.

Кто же и по какимъ мотивамъ взялъ на себя трудъ способствовать успокоенію московскихъ умовъ путемъ литературнаго вліянія въ помощь официальнымъ убѣжденіямъ правительственныхъ грамотъ?

Лица, писавшаго Повѣсть, назвать мы не можемъ, потому что имени его Повѣсть не сохранила. Но по нѣкоторымъ частностямъ разсказа можно довольно близко указать ту среду, къ которой принадлежало это лицо. Свидѣтельствуя, что всѣ гонимые самозванцемъ люди умирали вѣрными православію, авторъ прибавляетъ: „А инии братія наша иноцы еще въ живыхъ останася и тіи нынѣ вкупѣ съ нами содѣлствуютъ по обители пресвятыя и животворящія Троицы, а ини у архистратига Божія Михаила, у чудотворца Алексѣя въ Чудовѣ“ ²⁾. Изъ этихъ строкъ мы съ достовѣрностью узнаемъ, что авторъ принадлежалъ къ числу братіи Троице-Сергіева монастыря

¹⁾ *Соловьева* Ист. Россіи, т. VIII, гл. IV, и другія наслѣдованія о смутномъ времени.

²⁾ *Ич. Сказ.*, стр. 37 (текстъ исправленъ по рукописямъ).